
П. Штомпка
ЕЩЕ ОДНА СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ УТОПИЯ¹
(Перевод с англ.)

В этих двух томах собраны результаты конференции Международной социологической ассоциации (МСА), проведенной в 2008 г. в Тайбэе при содействии Тайваньской социологической ассоциации и Academia Sinica. Она была создана по инициативе тогдашнего вице-президента МСА, а ныне президента МСА Майкла Буравого. На ней присутствовали 60 участников из 43 стран; в книгах собраны 53 статьи, представленные ими в ходе трехдневных заседаний.

Структура этой подборки поражает своей странностью для книг по социологии: единственный зримый ее критерий – географический. Мы видим части, озаглавленные «Латинская Америка», «Африка», «Западная Азия», «Азиатско-Тихоокеанский регион», «Западная, Северная и Южная Европа», «Восточная и Центральная Европа». Порядок глав внутри этих объемных частей выглядит совершенно произвольным и лишен всякого тематического упорядочения. Даже с точки зрения географии имеются некоторые странные упущения. В Западной Европе мы не обнаруживаем Германии, колыбели классической социологии, не находим Италии, Швеции и Норвегии. Еще более озадачивающим является опущение Северной Америки. И это странно для книги о «глобальной социологии», если иметь в виду несомненную силу социологии в Соединенных Штатах и Канаде. Да, есть американец Майкл Буравой, но он предлагает нашему вниманию лишь вводную редакторскую главу² и рассматривает трехстраничные «за-

¹ *Sztompka P. Another sociological utopia // Contemporary sociology. – L., 2011. – Vol. 40, N 4. – P. 388–396.* Рецензия на книгу: *Facing an unequal world: Challenges for a global sociology / Ed. by M. Burawoy, Mau-kuei Chang, M. Fei-yu Hsieh. – Taipei: Institute of sociology: Academia Sinica: International sociological association, 2010. – Vol. 1–3.* Опубликована в рубрике «Спор о международной социологии».

² *Facing an unequal world: Challenges for a global sociology / Ed. by M. Burawoy, Mau-kuei Chang, M. Fei-yu Hsieh. – Taipei: Institute of sociology: Academia Sinica: International sociological association, 2010. – Vol. 1. – P. 3–27.*

ключительные размышления» Джен Мари Фриц, тоже американки¹, как представительные для американской социологии. Признание всех континентов за исключением Северной Америки наводит на мысль, что в мире существует межконтинентальная коалиция социологов, игнорирующих или отвергающих американскую социологию и развивающих альтернативные методы, понятия, модели и теории – не просто иные, но фундаментально лучшие. Возникает мысль о смене парадигмы, подлинной революции – если не в глобальном обществе, то уж, по крайней мере, в социологии.

Это впечатление целиком подтверждается содержанием почти тысячи страниц трудов конференции. Это самая широкая разработка и обобщение идеологии, которая на протяжении довольно долгого времени пропитывала Международную социологическую ассоциацию (МСА) и теперь обрела своего наиболее вдохновенного и убедительного поборника в лице Майкла Буравого. Эта идеология сводится к трем оценочным и нормативным суждениям. Во-первых, в мировой социологии доминирует западная (североамериканская и европейская, или, коротко, «евро-американская») социология, которая сама по себе плоха для дисциплины. Во-вторых, вне США и Европы есть какие-то альтернативные, корневые или «индигенные» социологии, которые очень ценны, но подавляются и целиком исключаются американско-европейской гегемонией. В-третьих, нормативный императив, вытекающий из этих двух утверждений, требует борьбы за глобальную социологию, которая защищала бы эгалитарное представительство многих социологий, действительно существующих в сегодняшнем мире, достижение сбалансированного единства и избавление от предпологаемых предвзятостей американских и европейских социологов.

Я противостоял этой идеологии в ходе многолетнего исполнения своих обязанностей на разных постах в МСА. Избираясь на пост президента МСА в 2002 г., я использовал политически очень некорректный лозунг «Мастерство, а не баланс» и, несмотря на это, был избран на 4-летний срок (2002–2006) на Всемирном конгрессе в Брисбене. В «Справочнике МСА по разным социологическим традициям» (ISA handbook of diverse sociological traditions, 2010) я настаивал на том, что есть и может быть только одна социология, изучающая множество социальных миров. Три тома, здесь мною рассматриваемые, дают мне возможность вступить в более аналитическую дискуссию и прояснить мою позицию. Рассмотрим каждое из трех вышеприведенных утверждений по очереди.

¹ Facing an unequal world: Challenges for a global sociology / Ed. by M. Burawoy, Maukuei Chang, M. Fei-yu Hsieh. – Taipei: Institute of sociology: Academia Sinica: International sociological association, 2010. – Vol. 3. – P. 279–282.

Плоха, потому что западная?

Неравенство в мире, фигурирующее в названии обсуждаемых книг, схватывается с помощью четырех противопоставлений, появляющихся в них снова и снова: «Север – Юг», «Запад – Восток», «развитые – недоразвитые» и «метрополис (центр) – периферия». Упреки в американском и европейском доминировании по каждой из этих осей воспроизводятся почти во всех статьях. Что касается экономических ресурсов, политического влияния, военной мощи, цивилизационного уровня, технической инновационности и культурного производства, то очевидно, что мир неравен и что во многих из этих областей Запад все еще доминирует (насколько долго это продлится – другой вопрос). Попытка смягчить вытекающие отсюда несправедливости и неравенства и эмансипировать те регионы или страны, которым отказано в процветании, свободе и других благах современности и которые от этого благоденствия отлучены, – дело благородное и в полной мере похвальное. Однако было бы мегаломанией считать, что это величественное гуманное чаяние может быть осуществлено социологами, представляющими собой по большей части «безвластную элиту».

Поэтому совершенно уместно, что эти книги скромнее: они о внутреннем неравенстве и доминировании в социологической дисциплине, трактуемых как отражение этих более фундаментальных разделений в нашем глобализованном обществе. Авторы вносят лепту вовсе не в социологию недоразвитости, а в поддисциплину, известную как социология социологии, которая иногда производит впечатление змеи, кусающей собственный хвост. Меня поражает, сколько интеллектуальных сил тратится на все эти «отчеты о тенденциях», повествующие о развитии социологии в разных странах и пестрящие названиями исследовательских учреждений, темами грантов, названиями экзотических журналов и именами неизвестных исследователей, которые никого не интересуют. Вот несколько экземпляров этого жанра в обсуждаемых томах: статьи Яноша Мухи о Восточной Европе¹, Мау-куэя Чанга и др. о Тайване², Фаада аль-Насера о Кувейте³, Чарльза Крозерса о Новой Зеландии⁴, Моконга Симона Мападименга о Южной Африке⁵. Между тем большинство статей, вошедших в эти книги, иного рода, и они вызывают еще более серьезные возражения.

Эти авторы превращают социологию социологии в идеологическое занятие, бесстыдно отказывающееся от описания и объяснения ради чисто

¹ Facing an unequal world: Challenges for a global sociology / Ed. by M. Burawoy, Maukuei Chang, M. Fei-yu Hsieh. – Taipei: Institute of sociology: Academia Sinica: International sociological association, 2010. – Vol. 3. – P. 187–206.

² Ibid. – Vol. 2. – P. 158–191.

³ Ibid. – Vol. 2. – P. 132–138.

⁴ Ibid. – Vol. 2. – P. 228–243.

⁵ Ibid. – Vol. 1. – P. 213–221.

идеологического, оценочного или нормативного языка. Изобретательность навешиваемых ярлыков поистине впечатляюща: академическая зависимость, интеллектуальный империализм, американский империализм, колонизация социологии, интеллектуальный колониализм, доминирование метрополии, метрополитанная теория, западная гегемония, северная гегемония, северная перспектива, замаскированная под универсализм, навязывание европейских понятий и теорий мейнстримовой американской и европейской социологией, исключение Юга, исключение Востока, доминирование английского языка, евроцентризм и даже «вестоксикация», подлинно новаторское добавление к сленгу антизападничества.

Подобный язык создает хаос и непонимание, когда используется экспрессивно – скорее для передачи эмоций, чем для прояснения значений. Чтобы внести сюда какой-то порядок, мы должны различить два уровня, на которых клеятся такие ярлыки: институциональный и интеллектуальный. Очевидно, что на уровне институтов, организаций и сообщества социологов «мы глубоко вплетены в глобальные неравенства, привязаны к неравному распределению материальных ресурсов (доходов, исследовательских фондов, преподавательских обязательств, условий труда), социального капитала (профессиональных сетей, покровительства) и культурного капитала (образовательных регалий, университетского престижа, языковых способностей, публикаций)»¹. Как польский социолог, я был бы последним, кто стал бы отрицать такого рода неравенства; когда я впервые был гостевым профессором в Соединенных Штатах в начале 1980-х годов, мое американское жалованье было почти в 50 (да, 50) раз выше, чем я получал у себя дома. Одна из частных мер успеха посткоммунистической трансформации в моей стране состоит в том, что теперь я зарабатываю уже только в пять раз меньше, чем мои американские коллеги. Но во-первых, в социологии в этом отношении нет ничего специфического. Все отрасли науки, включая естественные и технические науки, неравно оснащены в разных частях мира; ускорители частиц, лаборатории, экспериментирующие с геномом человека, и радиотелескопы, через которые наблюдаются черные дыры, можно найти только в некоторых странах. И во-вторых, такие неравенства являются прямым результатом тех фундаментальных экономических, политических, военных и прочих различий между странами, которые были упомянуты выше. Можно мечтать о более справедливом распределении ресурсов в мире, но, как признает Саид Фарида Алатас, «мы, ученые, можем сделать не так уж много на структурном или материальном уровнях академической зависимости, поскольку не отвечаем ни за институты, ни за государство»². Озабоченность эта законна,

¹ Слова Майкла Бураворо. См.: *Facing an unequal world: Challenges for a global sociology* / Ed. by M. Burawoy, Mau-kuei Chang, M. Fei-yu Hsieh. – Taipei: Institute of sociology: Academia Sinica: International sociological association, 2010. – Vol. 1. – P. 6.

² Ibid. – Vol. 2. – P. 139.

мы можем жаловаться и клеймить ситуацию, но в большинстве случаев не в наших силах ее улучшить.

Но обвинения в гегемонии, империализме, колонизации и зависимости выражаются также на эпистемологическом уровне: в отношении содержания социологического знания (теорий, моделей) и характера социологических методов. Здесь мы подходим к сути вопроса и подлинно спорной области. Есть непреложная историческая истина, что социология, как и многие другие вещи, хорошие или плохие, родилась в Европе в XIX в. и была предложена как новая дисциплина бородатыми белыми мужчинами, по большей части еврейского происхождения, жившими в Германии, Франции и Британии. Затем, на рубеже XIX–XX вв., она пережила второе рождение в Соединенных Штатах. Европейские и американские корни сформировали канон, или, если угодно, парадигму дисциплины, которая показала себя весьма плодотворной, и в ней, с некоторыми коррективами и расширениями, мы до сих пор движемся. Именно эта интеллектуальная сила европейских и американских мастеров, а не их предположительные империалистические амбиции или академический маркетинг, привела к принятию этого канона во всех частях мира, куда ступила социология. Этот канон, конечно, внутренне плюралистичен, в нем есть конкурирующие модели, теории, методологические ориентации и исследовательские процедуры. Критическая оценка каждой из них нужна и приветствуется как центральное требование этоса науки. Такой смысл придается «критической социологии» в четырехчленной типологии Майкла Буравого, включающей наряду с ней «профессиональную социологию», «прикладную социологию» и «публичную социологию»¹. Увы, в обозреваемой книге мы не находим и следов «критической социологии», никаких содержательных аргументов в отношении той или иной теории, того или иного метода. Более того, мы не находим там следов и других трех «социологий». Вместо этого мы находим всплеск дискурса, который я бы назвал «идеологической социологией», и даже Буравой, вероятно, не принял бы его как пятый тип «социологии».

Многие авторы, внесшие в книгу свою лепту, видимо, верят, что уже в силу того, что мейнстримовые социологические методы и теории были предложены и развиты в каноне Европы и Соединенных Штатов, этом ядре капитализма и империализма, они отмечены этим грехом происхождения, а их экспансия на другие континенты произошла «на дулах винтовок», как насаждение и узурпация, параллельно колониализму или по крайней мере неоколониализму. Наверное, в этом аргументе было бы рациональное зерно, если бы он относился к христианской религии и на-

¹ Слова Майкла Буравого. См.: Facing an unequal world: Challenges for a global sociology / Ed. by M. Burawoy, Mau-kuei Chang, M. Fei-yu Hsieh. – Taipei: Institute of sociology: Academia Sinica: International sociological association, 2010. – Vol. 1. – P. 15–24. См. также ранние формулировки «публичной социологии»: Burawoy M. For public sociology // British j. of sociology. – L., 2005. – Vol. 56, N 2. – P. 259–294.

сильственному обращению. Но социология, по крайней мере в какой-то степени, есть наука, а не религия; это поиск истины, а не декларация веры; она пытается находить регулярности, механизмы, способы функционирования и изменения в социальной жизни. Умудренные уроками антипозитивистского поворота, мы все же не сможем отрицать, что в какой-то мере, на каком-то уровне социология схожа с естественными науками. Оскорбителен ли для кого-то в Эквадоре, Бангладеш или на Тайване тот факт, что квантовая физика родилась в Копенгагене, Гейдельберге или Беркли или что человеческий геном был реконструирован в Калифорнии? Сомневается ли кто-нибудь в том, что гравитация работает в Африке, несмотря на тот факт, что она была открыта в Британии? Зачем в социологии заменять универсализм науки крайним релятивизмом? При этом конкретные эмпирические обстоятельства социальной жизни в разных частях мира различны, так же как и в разных «социальных мирах», имеющих внутри каждого континента, региона или страны. Однако регулярности и механизмы человеческого поведения, межличностных отношений, образования групп, установления правил, осуществления власти и возникновения неравенств – одинаковы, универсальны. Клод Леви-Стросс отправился в амазонские джунгли в поисках экзотических различий, а нашел, как он сам признает в «Печальных тропиках» (Levi-Strauss, 1959), просто человека. При всех своих слабостях и лакунах, канон социологического знания говорит нам важные вещи о людях, мужчинах и женщинах, и неважно, живут ли они в Париже, Дакаре, Кито или Киото.

Лучше, потому что индигенная?

Разумеется, социальное знание, как и любое знание, несовершенно, предварительно и приблизительно. Прогресс в социологии, как и в любой другой науке, – это непрерывающийся процесс накопления наблюдений, понятий, гипотез, моделей и теорий. Нет никаких причин для того, чтобы фонд социологического понимания и инструментарий социологического ремесла обогащались только в традиционных европейских или американских центрах, западных университетах или исследовательских институтах. Новые прозрения, интуиции, точки зрения, подходы могут проистекать из опыта множества незападных обществ. И они действительно из него поступают, ибо сегодня социология практикуется более чем в 140 странах. Лепты, приходящие из таких источников, расширяют и дополняют существующее знание и методологический арсенал. Многие социологи из так называемого «второго» или «третьего» мира (или, как принято говорить в МСА, из стран категорий «В» и «С»), проникают в нормальные каналы заметности, существующие в нашей дисциплине: конгрессы, конференции, журналы, издательства, преподавательские назначения. Они более чем приветствуются, и не из-за того, откуда они прибывают, а в силу того, что они приносят с собой подлинные социологические вкусы. Я бы назвал это «слабой программой глобальной социологии». И я бы первым

вознес хвалу, если бы авторы обсуждаемых книг делали то же самое, что делают другие, а иногда и они сами, например, в журналах МСА: «International sociology», «Current sociology», серии международной социологии издательства «Sage», а также на других академических платформах, широко доступных социологическому сообществу. А именно: если бы они общались об интересных эмпирических исследованиях, теоретических открытиях и методологических изобретениях, внося тем самым лепту в кладезь социологической мудрости. Или если бы они, пользуясь социологическими инструментами, встретили с открытым забралом список насущных социальных проблем, оглашенный на открытии Тайбэйской конференции нобелевским лауреатом по химии Ли Юаньцзе: это демографический взрыв, истощение природных ресурсов, разрушение окружающей среды, изменение климата, цивилизационные болезни, разрыв между богатыми и бедными, неграмотность, безработица, неустойчивое развитие¹. Многие социологи, и далеко не только европейские и американские, вносят вклад в диагноз, объяснение и рекомендации по таким и схожим проблемам.

Но большинство авторов обсуждаемых томов не вносят этого вклада, хотя многие из них известны важными социологическими исследованиями, сделанными с помощью инструментов «мейнстримовой социологии» в Индии, Бразилии, Южной Африке, Израиле и других странах за пределами хулимого Запада. Вместо содержательных вкладов мы имеем несколько десятков идеологических манифестов, проповедующих какую-то эфемерную «альтернативную социологию», или «корневые социологии», призванные скорее заменить, чем дополнить подавляющий империалистический канон. Все они распевают радикальную, революционную песню под дирижерскую палочку Буравого. Они выдвигают то, что я назвал бы «сильной программой глобальной социологии». Один из ее поборников постулирует: «Незападные традиции знания и культурные практики должны считаться потенциальными источниками социально-научных теорий и понятий, призванных уменьшить академическую зависимость от мировых социально-научных держав» (С.Ф. Алатас)². Да и сам гуру очерчивает революционный путь: «Вызов универсализму западной социологии – двухступенчатый проект: он должен сначала показать, что они не отражают опыт подчиненных населений, а затем продемонстрировать, что есть альтернативные теории, игнорировавшиеся и подавлявшиеся метропольной социологией» (М. Буравой)³.

Что касается первого шага в этом проекте, то вынужден признать: я просто не понимаю, о чем, собственно, идет речь. Разве недавняя книга

¹ Facing an unequal world: Challenges for a global sociology / Ed. by M. Burawoy, Maukuei Chang, M. Fei-yu Hsieh. – Taipei: Institute of sociology: Academia Sinica: International sociological association, 2010. – Vol. 1. – P. 28–34.

² Ibid. – Vol. 2. – P. 139.

³ Ibid. – Vol. 1. – P. 11.

лорда (*страшно сказать*) Энтони Гидденса о глобальном потеплении (Giddens, 2009) не отражает опыт Бангладеш или Сейшельских островов, которым угрожает повышение уровня Мирового океана? Разве теория стигматизации Эрвинга Гоффмана нерелевантна для понимания остатков кастовой системы в Индии? Разве изучение бедности и бездомности в Варшаве, столице Польши, Чикаго или Париже не отражает опыт бедных и бездомных людей, где бы им ни довелось жить? Социологическое исследование, пока оно достойно зваться наукой, отражает универсальные трудности, социальные проблемы, человеческую озабоченность, давая обобщенное знание для диагноза, объяснения, предсказания и возможного их устранения там, где они проявляются. Таким образом, я не вижу в первом шаге Буравого никакого смысла. Может быть, это просто идеологическая риторика и революционный пыл?

Однако самая суть дела заключена во втором шаге: нахождении «альтернативных теорий» в противовес «метропольной социологии». С тех пор как Акинсоло Акиово призвал к «индигенной африканской социологии» (Akiwowo, 1986), я был озадачен такими заявлениями и искал возможные примеры этих альтернативных, индигенных социологий. Акиово таких примеров не дал, а поскольку он основывает свои выводы в области социологии знания на эмпирических свидетельствах африканской устной поэзии, то указывает он вовсе не на альтернативную социологию, а на новые оригинальные данные, которые поддерживают (или, может быть, подрывают) «мейнстримовую» социологию знания Маркса и Манхейма. Это вписывается в «слабую программу», которую я принимаю, но при этом я продолжаю поиск примеров «сильной программы», т.е. подлинных альтернатив. Как усердный подписчик журнала «International sociology», я надеялся найти что-то там. Но чаще всего я находил обычные социологические методы (обследования, анкетный опрос, кейс-стади, контент-анализ, включенное наблюдение, статистические измерения и индикаторы), применяемые к контексту незападных обществ и подтверждающие (или фальсифицирующие) стандартные социологические теории (функционализм, марксизм, символический интеракционизм, феноменологию). Поэтому я возлагал последние надежды на трехтомник Буравого и его коллег. Какое разочарование! Я вновь не обнаружил ни одного убедительного случая новой оригинальной индигенной теории, ни одного нового оригинального индигенного метода. Что я нашел, так это заявление одного из сильнейших сторонников «индигенизации», по всей видимости, пилящего сук, на котором он сидит: «Проблема большинства работ по этим вопросам в том, что в них мало делается для разработки альтернативных теорий и понятий и много сил тратится на дискуссии о необходимости таких альтернатив» (С.Ф. Алатаас)¹. Как верно и как уместно здесь описыва-

¹ Facing an unequal world: Challenges for a global sociology / Ed. by M. Burawoy, Maukuei Chang, M. Fei-yu Hsieh. – Taipei: Institute of sociology: Academia Sinica: International sociological association, 2010. – Vol. 2. – P. 144.

ются тон и посыл всех трех томов! Увы, Алатас пытается привести некоторые конкретные примеры. И что мы получаем? Замечание, что «в азиатских исследованиях коммуникации китайские, японские и корейские ученые смотрели на индигенные понятия»¹, такие, как «бао», которое в китайском означает взаимность, «бянь», означающее изменение, «гуаньси», означающее сеть взаимоотношений, или «кэ ци», означающее вежливость. Но эти понятия китайского языка – просто эквиваленты хорошо известных «мейнстримовых» социологических идей: «взаимности», «изменения», «взаимоотношений», «вежливости». Выходит, «индигенная социология» – это любая социология, написанная на ином языке, чем английский? Является ли тогда моя книга о доверии, опубликованная на китайском языке (Sztompka, 2006), написанная в Польше и впервые изданная в Кембридже (Sztompka, 1999), вкладом в индигенную польскую, британскую или китайскую социологию? Я до сих пор вынужден продолжать поиски примера индигенной, альтернативной социологии.

Но прежде чем я его найду, позвольте мне немного потеоретизировать по этому вопросу. Слово «индигенная» может означать много разных вещей: во-первых, все незападное (не европейское и не американское); во-вторых, ограниченное одной цивилизацией; в-третьих, ограниченное каким-то одним регионом; в-четвертых, ограниченное одним национальным государством (в наше время это наиболее общая рамка, в которой ведется социальная жизнь). Давайте остановимся на последнем смысле. Такой выбор легитимирует и сам Буравой: «Строительным блоком этой [глобальной] мозаики является национальная социология, ведь нация всегда была для социологии основной единицей анализа, а также определяла параметры ее поля действия»². В ряде недавних заявлений Ульрих Бек (Beck, 2006) критикует «теорию контейнера», основанную на допущении «методологического национализма». Но идея, что социальная жизнь проживается внутри отдельных контейнеров, помеченных границами национальных государств, все еще во многом остается с нами, о чем свидетельствует не только приведенное утверждение, но и содержание трех обсуждаемых томов. Достаточно взглянуть на второй том об Азии и на названия его глав. Мы находим «бангладешскую социологию», «индийскую социологию», «турецкую социологию», «кувейтскую социологию», «армянскую социологию», «азербайджанскую социологию». Таким образом, «социологии» во множественном числе явно считаются демаркированными по границам национальных государств.

Но что вообще могло бы означать наличие индигенных национальных социологий (во множественном числе)? Позвольте мне воспользоваться названием воображаемого Королевства Лаилонии, придуманного

¹ Facing an unequal world: Challenges for a global sociology / Ed. by M. Burawoy, Maukuei Chang, M. Fei-yu Hsieh. – Taipei: Institute of sociology: Academia Sinica: International sociological association, 2010. – Vol. 2. – P. 147.

² Ibid. – Vol. 1. – P. 4.

для схожей цели польским философом Лешеком Колаковским (Kolowski, 1989). Что могло бы иметься в виду под лаилонской социологией? Первое значение тривиально: социология в Лаилонии, изучаемая и развиваемая в тамошних университетах и исследовательских учреждениях. Это любимая тема скучных «отчетов о трендах». На этом институциональном и организационном уровне нет большого числа национальных характеристик, ибо благодаря глобализации структуры академических центров по всему миру очень схожи. Во-вторых, под ней может иметься в виду социология, которая пишется и публикуется на лаилонском языке. Но, разумеется, если дело лишь в языке, то тут нет ничего индигенного. Если перевести ее на другие языки, то это будет та же самая социология. Здесь мы сталкиваемся с псевдопроблемой «империализма» английского языка. Вместо того чтобы радоваться тому, что теперь, опять же благодаря глобализации, мы можем изучать только один иностранный язык, чтобы иметь доступ к всемирному академическому сообществу, включая все важные книги, когда-либо написанные, некоторым людям хотелось бы вновь возвести Вавилонскую башню и отвергнуть английский язык как инструмент господства, подавления, исключения и еще бог знает чего. Чем быстрее социологи из Лаилонии пишут и публикуются на английском, тем лучше для них, и тем лучше для социологии. Третье значение – социология лаилонцев как уроженцев этого королевства. Но академическое сообщество со времен Средневековья было весьма мобильным, и сегодня благодаря глобализации социологи постоянно находятся в движении, переезжая в зарубежные страны на постоянной или временной основе; их национальность не является при этом значимым маркером их работы. Более глубокий аргумент в пользу индигенной социологии в этом смысле может отсылать к доктрине «инсайдеризма», убедительно отвергнутой еще Робертом К. Мертоном (Merton, 1972), отмечавшим, что социальную реальность необязательно понимать только изнутри. «Аутсайдеризм» тоже может быть плодотворен. В конце концов, непревзойденное исследование американской демократии написал француз Алексис де Токвиль, а швед Гуннар Мюрдаль лучше американцев понял американскую расовую дилемму. Четвертый смысл – это социология о Лаилонии. Вы скажу тривиальное замечание, что большинство социологов черпают личный опыт и эмпирические свидетельства в своей стране. Но если они остаются социологами о Лаилонии, и только, то они уже не социологи. Пока их знание остается национально ограниченным и дает информацию только об их собственном обществе, это либо ареальные исследования, либо национальная статистика, но, в моем понимании, не социология. Только когда социологи делают на основе локальных данных обобщения, служащие опорой для утверждений об универсальных закономерностях и механизмах социальной жизни, мы можем говорить об их вкладе в социологию. Теории общества и методы социологического исследования никогда не бывают индигенными, пусть даже они построены на фундаменте локаль-

ных фактов и опытов. Наиболее желанным вкладом социологов извне Европы и Америки были бы свидетельства, эвристические догадки, оригинальные локально инспирированные модели и гипотезы о регулярностях, которые вносили бы лепту в универсальный фонд социологического знания в виде верификаций, фальсификаций или расширений. Но все это остается в пределах «слабой программы глобальной социологии», которую я всецело поддерживаю.

Пятым значением будет социология с лаилонской повесткой дня, обращенная к специфическим социологическим проблемам, типичным для Лаилонии. Разумеется, каждая страна отлична от других в этом отношении. Различия в экономической развитости, политическом режиме, культурном наследии, историческом опыте делают некоторые социологические вопросы более злободневными, чем другие. То, что является значимым вопросом для Нигерии, может не быть значимым вопросом для Нидерландов. Некоторые вопросы становятся насущными, другие отходят на задний план. Но они никогда не бывают совершенно уникальными, вопросами *sui generis*, и путь для подхода к ним – это не построение новой «индигенной» теории или метода для каждого из них по отдельности, а рассмотрение локальных особенностей как удобной стратегической исследовательской площадки, своего рода лаборатории для применения стандартного инструментария социологии или для разрешения вечных проблем социальной структуры, социального изменения, роли человеческой деятельности, короче говоря, для внесения вклада в универсальные теории о регулярностях и механизмах социальной жизни. Шестым значением социологии для Лаилонии будет индигенность, ориентированность на локальные, специфические социальные проблемы в попытке смягчить или разрешить их посредством социальных реформ. У Буравого это «прикладная социология» – «policy sociology», или, в более традиционных терминах, «applied sociology». В научной логике есть непоколебимая истина, что никакие практические директивы не вытекают из одних только фактов или данных. Факты и данные должны быть помещены в контекст какой-то теории, эксплицитной или имплицитной. Только тогда они будут играть роль исходных условий, предполагающих в совокупности с теоретическими суждениями о регулярностях или механизмах предсказания и директивы. Например, в медицине никакая терапия не следует из простого измерения у клиента температуры или даже из в высшей степени сложного томографического исследования. Эти диагностические факты должны быть связаны с теориями различных болезней и телесных механизмов, и только после этого можно будет предложить эффективное лечение. То же касается и прикладной социологии. До тех пор, пока она остается научной, она должна черпать ресурсы из фонда универсальных теорий общества, а не изобретать *ad hoc* какую-то «индигенную» теорию. Представим, что бы происходило с пациентами, если бы медики в каждой больнице конструировали разные теории анатомии и физиологии. Таким образом, приклад-

ные социологи должны принимать во внимание существующий канон социологии. Если они не делают это эксплицитным образом, если их рекомендации не базируются на существующих теориях, то они занимаются не прикладной социологией, а в лучшем случае интуитивной политикой.

Те же доводы можно было бы применить, если бы под «индигенными» имелись в виду не национальные, а региональные, континентальные или цивилизационно специфичные «социологии». Есть много социальных миров, по-разному демаркированных, но нет и не может быть многих социологий. Может быть неполная глобализация общества, как говорят многие авторы в книге «Сталкиваясь с неравным миром», но я утверждаю, что глобализация социологии должна быть полной, по крайней мере, если считать ее наукой. Наука – это область, глобальная (универсальная) по определению. Она была глобальной уже задолго до того, как началась глобализация человеческого общества, фактически с самого своего зарождения, поскольку она занимается поиском универсальной истины: регулярностей и механизмов реальности. Коперник и Кеплер вносили вклад в глобализированную (универсальную) астрономию, Ньютон и Фарадей – в глобализированную (универсальную) физику. Так же и социология всегда легитимировала свои притязания на научный статус стремлением раскрыть универсальные законы человеческого общества. Призыв к альтернативным, индигенным социологиям – это новая версия антинаучного обскурантизма. Есть много разных обществ, но одна социология, одна социальная наука для множества разных социальных миров.

Мечта о глобальной социологии

Третья нога, на которой держится идеология трехтомника, – это призыв к глобальной социологии, понимаемой как эгалитарное партнерство многих индигенных социологий всего мира. Глобальная социология не может быть создана сверху путем насаждения европейских и американских («северных») идей и методов. Скорее, как утверждается, она должна быть выстроена снизу, посредством сопротивления этой «мейнстримовой социологии» со стороны незападных индигенных социологий, объединивших усилия в построении «альтернативной социологии». Поистине революционный проект!

В студенческие годы я столкнулся с марксизмом-ленинизмом, и потому на ум неизбежно приходят некоторые отзвуки этой доктрины и ее логики. Просто рассмотрим примеры. Тезис первый Буравого: социология не имеет собственного предмета, но у нее есть специфическая точка зрения – точка зрения гражданского общества, с которой она только и может изучать рынок и государство, развенчивать «экспансию этих институтов, которая угрожает гражданскому обществу, а стало быть, не только социологии, но и самой способности человечества защитить себя, например, от

деградации среды и труда»¹. Ну чем не отзвук марксистской «перспективистской» социологии знания, в которой только точка зрения пролетариата раскрывает истину эксплуатации и дает защиту от капитализма? Тезис второй: «Поскольку рынки становятся глобальными, то и социология стремится стать глобальной, вносящей вклад в глобальное гражданское общество, связывающей воедино сообщества, организации и движения поверх национальных границ»². Социологи всего мира, объединяйтесь; вам нечего терять, кроме своего академического статуса! Парафраз знаменитой сентенции, завершающей первый параграф «Коммунистического манифеста»? Тезис третий: «Если социология может быть конституирована как коллективный актор, то не может ли она также преодолеть оборонительную позицию профсоюзов, как бы она ни была важна, дабы охватить более широкие интересы и глобальное сознание?»³. О да! Пролетарии должны заменить свою узкую профсоюзную ментальность и достичь подлинного классового сознания, как сказали бы об этом Ленин и Лукач.

Пути из утопии

Нет ничего плохого в таких параллелях. Вдохновение может придти из разных источников, прозрения могут рождаться при прочтении всякого рода книг. Реальная проблема идеологии обсуждаемого трехтомника в том, что «сильная (революционная) программа глобальной социологии» строится на трех допущениях, которые я считаю ошибочными.

Первая ошибка – это мечтание об эгалитаризме в области, которая по самой своей природе является элитистской, а именно в области науки. Мы хорошо знаем (даже если считаем, что политически корректно это отрицать), что есть великие ученые, хорошие ученые, посредственные ученые, плохие ученые и люди, которые только притворяются учеными. Мы знаем, что есть великие университеты, посредственные университеты, плохие университеты и университеты только по имени. И точно так же мы знаем, что есть ведущие страны, где наука процветает, другие страны, где достижения вторичны и производны, а не оригинальны, и третьи, где наука маргинальна или ее нет совсем. Это также применимо к социологии, социологам, социологическим исследовательским учреждениям и странам, где социология практикуется. Повторю свой лозунг: «Мастерство, а не баланс».

Вторая ошибка – это извлечение ложных выводов из разнообразия и релятивизма. Общества различны: социальные условия, контексты, среды в них различаются, иногда радикально. Но это не значит, что должно быть

¹ Facing an unequal world: Challenges for a global sociology / Ed. by M. Burawoy, Maukuei Chang, M. Fei-yu Hsieh. – Taipei: Institute of sociology: Academia Sinica: International sociological association, 2010. – Vol. 1. – P. 25.

² Ibid. – Vol. 1. – P. 25.

³ Ibid. – Vol. 1. – P. 26.

много социологий, производящих знания для каждого локального, частного контекста. Регулярности и механизмы функционирования и изменения в разных обществах одинаковы. Локальные условия обеспечивают площадку для проверки, коррекции, модификации или приращения универсального социологического знания. Отсюда колоссальная значимость сравнительной социологии, подчеркиваемая всеми, от Огюста Конта до Алекса Инкельса и Масамити Сасаки (Inkeles, Sasaki, 1996). Но не для создания множественных индигенных социологий, каждая о своем отдельном обществе. Повторю: существует одна социология для множества социальных миров.

Третья ошибка – смешение двух разных фаз научного исследования: эвристической фазы и фазы обоснования и доказательства. Вдохновение к эмпирическому исследованию или построению теории может приходиться из разного рода источников. Легенда гласит, что Ньютона ударило по голове упавшее яблоко и что таким образом он открыл закон всемирного тяготения. В социологии важное вдохновение приходит из личного опыта социологов как членов конкретного общества в конкретном историческом времени. На уровне эвристики великие социологии часто бывают автобиографиями их авторов. Все мы глубоко вовлечены в наши национальные лояльности, культурные ценности, религиозные верования, стереотипы, предрассудки, идеологии. Фактически чем сильнее – тем лучше, поскольку наши частные, локальные или провинциальные или маргинальные обстоятельства могут предлагать повестки дня с проблемами, требующими решения, и наводить на возможные гипотезы и пророчества. Но как только мы вступаем в область обоснования и доказательства, мы должны превращать интуитивные догадки в эмпирически подтвержденные факты, гипотезы – в теоретические объяснения, пророчества – в обоснованные предсказания. Всего этого мы достигаем, прибегая к универсальному методологическому инструментарию социологии и плюралистическому архиву социологических теорий, беря из них то, что нужно для обоснования и проверки наших притязаний на истинное знание об обществе. Мы можем быть очень партикуляристичными в наших вдохновениях и эвристических предположениях. Но мы должны стремиться к универсалистскому знанию путем применения универсалистских стандартов и критериев социологического метода. Один из отцов нашей дисциплины, один из тех, кого саркастически именуют «так называемыми классиками»¹, ясно установил: «Было и остается истинным, что систематически правильное научное доказательство в социальных науках, чтобы достигать своей цели, должно быть признано правильным даже китайцем; или, говоря точнее, оно должно постоянно стремиться к достижению этой цели, которой, воз-

¹ Facing an unequal world: Challenges for a global sociology / Ed. by M. Burawoy, Maukuei Chang, M. Fei-yu Hsieh. – Taipei: Institute of sociology: Academia Sinica: International sociological association, 2010. – Vol. 1. – P. 13.

можно, нельзя полностью достичь в силу несовершенства данных»¹. Вместо того чтобы отвергать «так называемых классиков», я бы предложил – в качестве противоядия от ложного проекта глобальной социологии и индигенных социологий – прочитать их, особенно «Методологию социальных наук» Макса Вебера (американское издание 1949 г.) и «Правила социологического метода» Эмиля Дюркгейма (американское издание 1964 г.). Не обязательно читать их по-английски; здесь легко избежать «языкового империализма», поскольку они доступны на большинстве языков.

«Сильная программа глобальной социологии», представленная в обсуждаемом трехтомнике, – это новая социологическая утопия. Даже если она движима добрыми намерениями, ее необходимо отвергнуть. Она неосуществима по принципиальным причинам, указанным в этом обзоре. Она сродни пресловутому поиску черной кошки в черной комнате, в которой ее нет. Единственным ясным и разумным подходом является то, что я назвал «слабой программой глобальной социологии», т.е. согласованная попытка извлекать что-то из вдохновений, идущих из всех стран, всех возможных обществ, культур и цивилизаций, и втягивать социологов из стран с более слабыми социологическими традициями в мировую орбиту принятого и проверенного универсального канона методов и теорий. Эти опыты и такие вклады могут быть в высшей степени ценными для проверки, улучшения, исправления и расширения этого канона, и это лучше, чем отвергать его на ложных идеологических основаниях.

«Слабая программа» реализовывалась и реализуется, и МСА, спонсор этого трехтомника, играет в этом большую роль. Довольно удивительно, но в заключительной главе последнего тома Артуро Родригес-Морато, бывший вице-президент МСА по исследованиям, отказывается быть поглощенным революционным рвением редакторов и предыдущих авторов и представляет отчет о том, что МСА делала, чего она достигла и какие меры она планирует предпринять для осуществления «слабой программы». Наверное, стоило проплыть через 1000 предшествующих страниц, чтобы добраться до этого острова здравомыслия. И все же я бы не рекомендовал делать это читателю. Радикализм этого трехтомника оказывает медвежью услугу социологиям, рождающимся в социологически менее развитых странах, ибо заставляет тамошних ученых сочинять идеологические манифесты и фокусироваться на тщетных попытках изобретения «альтернативных социологий», вместо того чтобы делать нормальную социологическую работу и вносить тем самым свои локальные, частные опыты и вдохновения в мировой, универсальный фонд социологической мудрости.

Литература

1. Akiwowo A. Contribution of Sociology of knowledge from an African oral poetry // International sociology. – L., 1986. – Vol. 1, N 4. – P. 343–358.

¹ Weber M. Methodology of the social sciences. – N.Y.: Free press, 1949. – P. 58.

2. *Beck U.* Cosmopolitan vision. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2006. – 201 p.
3. *Giddens A.* Politics of climate change. – Cambridge: Polity, 2009. – VIII, 264 p.
4. *Inkeles A., Sasaki M.* Comparing nations and cultures. – Englewood-Cliffs (NJ): Prentice Hall, 1996. – XV, 626 p.
5. *ISA handbook of diverse sociological traditions* / Ed. by S. Patel. – L.: Sage, 2010. – XVII, 366 p.
6. *Kolakowski L.* Tales from the kingdom of Lailonia. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1989. – VI, 186 p.
7. *Levi-Strauss C.* Tristes tropiques. – P.: Librairie Pion, 1955. – 462 p.
8. *Merton R.K.* Insiders and outsiders // *American j. of sociology.* – Chicago (IL), 1972. – Vol. 78, N 1. – P. 9–47.
9. *Sztompka P.* Trust: A sociological theory. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1999. – XII, 214 p. (китайское издание: *Sztompka P.* Trust: A sociological theory. – Beijing: Zhonghua book company, 2006. – VI, 273 p.
10. *Weber M.* Methodology of the social sciences. – N.Y.: Free press, 1949. – 188 p.

Пер. с англ. В.Г. Николаева